

Памяти В. И. Даля.

(По поводу 40 лѣтія его „Толковаго Словаря“).

Въ истекшемъ январѣ мѣсяцѣ исполнилось 40 лѣтъ, какъ явился на свѣтъ „Толковый Словарь“ Владимира Ивановича Даля, употребившаго цѣлыхъ 47 лѣтъ на его составленіе. Будь это за границей, въ Германіи или во Франції, имя Даля тотчасъ бы загремѣло на весь свѣтъ. А у насъ ни одинъ журналъ того времени не проронилъ ни слова, ни одинъ университетъ русскій не выразилъ своего уваженія къ монументальному труду, за исключеніемъ Дерптскаго университета, который Даю за *русскій словарь* прислалъ латинскій дипломъ и вѣмѣдкую премію, учрежденную какою-то нѣмкою для наградъ за знаменитые успѣхи въ области языкоznанія.

Первое къ себѣ сочувствіе трудъ Даля встрѣтилъ въ „Общ. Любителей Россійск. Словесности“, учрежденномъ при Московскому университетѣ. Въ засѣданіи его 25-го февраля 1860 г. была прочитана записка Даля, что имъ сдѣлано по обработкѣ Словаря. Общество подъ предсѣдательствомъ А. С. Хомякова предложило найти средства для изданія „Словаря“. Членъ названнаго общества—А. И. Кошелевъ далъ необходимыя на это дѣло 3.000 руб. Бывшій тогда министромъ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ, служившій въ 1840-хъ годахъ при графѣ Перовскомъ подъ непосредственнымъ начальствомъ В. И. Даля, въ 1862 г. докладывалъ Императору Александру II о напечатанныхъ Далемъ „Пословицахъ Русскаго народа“ и о составленіи имъ первой половины „Толковаго Словаря“. Государь, въ день празднованія тысяче-лѣтія Россіи, пожаловалъ составителю „Словаря“, собирателю „Пословицъ“ и знаменитому русскому писателю, анненскую звѣзду, а въ 1864 г. по выходѣ въ свѣтъ первого тома „Толковаго Словаря“ (буквы А—З) Его Величеству угодно было все издержки по изданію „Словаря“ принять на свой счетъ. Когда „Словарь“ былъ конченъ печатаніемъ, покойный М. П. Погодинъ писалъ Академіи

Наукъ: „Словарь Даля конченъ. Теперь русская Академія Наукъ безъ Даля немыслима. Но вакантныхъ мѣстъ нѣть. Предлагаю: всѣмъ намъ, академикамъ, бросить жеребій, кому выйти изъ Академіи вонъ, и упразднившееся мѣсто предоставить Далю. Выбывшій зайдеть первую, какая откроется, вакансію“.

Жребій академики бросать отказались, зато единогласно избрали В. И. Даля въ свои почетные члены. Затѣмъ Академія присудила „Толковому Словарю“ Ломоносовскую премію, разборъ „Словаря“ составлялъ Я. К. Гротъ. Кроме того академикомъ Шренкомъ была составлена записка о зоологическихъ названіяхъ въ „Словарѣ“, а академикомъ Рупрехтомъ о ботаническихъ названіяхъ.

Императорское Географическое Общество, мысль о созданіи которого возникла въ сороковыхъ годахъ на вечерахъ у Даля,увѣнчало его трудъ Константиновскою золотою медалью. Разборы, по порученію этнографического отдѣленія Географического Общества, были написаны академикомъ Срезневскимъ и членами общества Саввайтовымъ и Пыпинымъ. По поводу послѣдняго разбора Даля напечаталъ въ концѣ своего „Словаря“—„Отвѣтъ на приговоръ“, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ: „Все это я написалъ, не видавъ разбора г. Пыпина, на который этнографическое отдѣленіе ссылается; разспросы мои наконецъ объяснили мнѣ, что разборъ этотъ никогда не былъ напечатанъ, и я съ великимъ трудомъ добылъ свѣдѣнія о томъ, на какія именно слова моего „Словаря“ разборщикъ ссылается. Онъ приводить ихъ всего только три, говоря: „гармонію онъ (Даль) переводить: *согласъ*, гимнастику—*ловкосиле*. автоматъ—*живулъ*, и при послѣднемъ словѣ ставить два знака удивленія. Основываясь на этихъ трехъ словахъ, разборщикъ говоритъ „рядомъ со словами общественными, словами областными, онъ (Даль) ставить часто, ничѣмъ ихъ не обозначая, слова собственного сочиненія“. Если бы до времени открыто было въ „Словарѣ“ моемъ не болѣе этихъ трехъ словъ моего сочиненія, то не лишку ли сказано, что составитель дѣлаетъ это часто? Но первое изъ нихъ, *согласъ*, конечно не моего сочиненія; можетъ быть оно не печаталось до селѣ, писалось однако же, а еще чаще говорилось: *по общему согласу нашему*, пишутъ въ мірскихъ приговорахъ; согласіе или *согласъ*—у старообрядцевъ кругъ, секта; *ихъ согласъ не беретъ*, говорится въ народѣ же не рѣдко, и потому это слово не мое изобрѣтенье. Второе слово *живулъ* также сочинено не мною, оно есть въ народѣ, и на этотъ разъ я могу сослаться на загадку, какъ сдѣлано въ „Словарѣ“ моемъ. Или я самъ сочинилъ и загадку эту? Что же мнѣ отвѣтить на такое обвиненіе? Я могу только просить обвинителя моего подумать о томъ, что онъ дѣлаетъ, и при томъ

напередъ подумать, а потомъ сказать. *Живуля* въ народѣ нѣчто полуживое или по движеніямъ своимъ подобное живому. *Сидѣть живая живуличка на живомъ стуличкѣ, теребитъ живое мясио* (младенецъ). Этого мало: слово это не только не выдумано мною, оно даже въ самомъ значеніи своемъ, какъ автоматъ, взято изъ усть народа. Мужикъ разсказывалъ, что видѣлъ *живулю*, въ томъ числѣ и Наполеона (въ ярмарочномъ балаганѣ восковыхъ фигур): другой спросилъ, ходять ли они, и на отрицательный отвѣтъ продолжалъ: „такъ это не *живуля*, а болваны, а я такъ видѣлъ живую, куклу, четверти въ три, и бѣгаетъ она сама, одна, на кругахъ“. Вотъ откуда я взялъ значеніе этого слова и за всѣмъ тѣмъ при перевѣдѣ его словомъ *автоматъ* поставилъ еще вопросительный знакъ (см. *живой*). Наконецъ, третій примѣръ: *ловкосиліе*; правда, слово моего сочиненія, но и его нѣть на своемъ мѣстѣ подъ буквою *л*, а оно поставлено только какъ объяснительное при словѣ *имнастика* и при томъ также съ вопросительнымъ знакомъ. Итакъ, изъ числа трехъ словъ или примѣровъ, на коихъ основанъ крайне тяжкій приговоръ, одно слово можетъ служить къ обвиненію, но и это слово вставлено только ради объясненія, набрано тѣми же буквами, какъ всѣ толкованія, и при томъ съ вопросительнымъ знакомъ. Правда ли, послѣ этого, что „онъ (Даль) ставитъ часто, ничѣмъ ихъ не обозначая, слова собственного сочиненія“. Свою отповѣдь г. Пыпину кончалъ Даль такъ: „Если трудъ цѣлой жизни человѣка поносится однимъ легкомысленно кинутымъ словомъ, то на это и отвѣтывать было бы нечего; но если слово это содержитъ въ себѣ прямое обвиненіе, то на него отвѣтывать должно, и отвѣтывать не ради личности своей, а ради дѣла. Чая въ противникѣ своемъ честнаго человѣка, я увѣренъ, что онъ за симъ сдѣлаетъ одно изъ двухъ: либо докажетъ не однимъ, и даже не тремя примѣрами, что „Даль ставить часто, ничѣмъ ихъ не обозначая, слова своего сочиненія“, либо объявить, что онъ ошибся и что беретъ слово свое назадъ. Это было напечатано въ январѣ 1867 г. и съ тѣхъ поръ А. Н. Пыпинъ не доказалъ и не сказалъ, что онъ ошибся.

Чтобы лучше показать, до какой степени Далемъ были изучены мѣстные говоры, расскажемъ слѣдующее: пріѣхавъ однажды на званный обѣдъ на дачу по недоразумѣнію ранѣе, чѣмъ былъ назначенъ обѣденный столъ, Даль засталъ хозяевъ еще въ суетѣ и хлопотахъ. Чтобы имъ не мѣшать, онъ вышелъ въ палисадникъ, предъ которыми стоялъ сборщикъ на построеніе храма, блокирый монахъ, съ книжкою въ черномъ чехлѣ съ нашитымъ желтымъ крестомъ. Даль его спросилъ, изъ какого онъ монастыря?

— Соловецкаго, родненскій,—отвѣтилъ монахъ.

— Изъ Ярославской губерні? — сказалъ Даль, зная, что „родимый“, „родненький“ одно изъ любимыхъ словъ ярославскаго простолюдина.

Монахъ смутился и пониклымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Нѣту-ти, родненький, тамо-ти въ Соловецкомъ живу.

— Да еще изъ Ростовскаго уѣзда, — замѣтилъ Владимиръ Ивановичъ.

Монахъ повалился въ ноги...

— Не погубите.

Оказалось, что это былъ бѣглый солдатъ, отданный въ рекруты изъ Ростовскаго уѣзда и скрывавшійся подъ видомъ соловецкаго монаха.

Писатель П. Мельниковъ (Шеферскій) писалъ, что когда онъ былъ начальникомъ статистической экспедиціи въ Нижегородской губерні, „я познакомилъ всѣхъ членовъ съ В. И. Далемъ. Въ 1852 и 53 годахъ мы объѣхали всѣ 3.700 населенныхъ мѣстностей губерніи, собирая свѣдѣнія по программѣ, составленной мною и Н. А. Милютинымъ, подъ главнымъ руководствомъ Надеждина. И меня и каждого изъ членовъ предъ каждою поѣздкою В. И. Даль просилъ записывать въ каждой деревнѣ говоры. „А главное, говоривалъ онъ, оканье, аканье, цоканье, чваканье“ и т. д. Изъ этого у него накопился значительный матеріалъ, собранный уже послѣ напечатанія замѣчательной статьи Дая „О нарѣчіяхъ русскаго языка“. Въ несколькихъ селеніяхъ Лукояновскаго уѣзда, членомъ экспедиціи Н. И. Зайцевскимъ было замѣчено дзяканье, господство послѣ *a* звука *u*, замѣняющаго *o*, *e* и даже *я*, произношеніе предлога *съ* какъ *зъ*, обращеніе двугласныхъ (*ѣ*, *ѧ*, *ю*) въ твердые гласныя (*ѧ*, *у*) и измѣненіе буквъ *и*, *къ*, въ косвенныхъ надеждахъ на *э* и *и*.

— Это Бѣлоруссы. Это та же Мензелинская шляхта, — сказалъ Владимиrъ Ивановичъ и просилъ меня порыться въ архивахъ.

Архивы были тогда у меня подъ рукой. Поискали и нашли, что въ XVII столѣтіи, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ Лукояновскомъ уѣздѣ, равно какъ въ Мензелинскѣ и другихъ мѣстахъ, была поселена Литва, т. е. собственно говоря бѣлоруссы. Тутъ объяснилось и то, что дзякающихъ лукояновцевъ окрестные жители зовутъ „панами“, а иногда „панскими“.

Даль, служа при министрѣ внутреннихъ дѣлъ графѣ А. А. Перовскомъ, имѣлъ казенную квартиру въ томъ же домѣ у Александринскаго театра, гдѣ жилъ и самъ министръ. Даль и Надеждинъ (тотъ самый профессоръ Московскаго университета, который былъ сосланъ въ Устьсисольскъ за напечатаніе писемъ Чаадаева въ „Телескопѣ“ и возвращенный изъ ссылки по ходатайству Перовскаго) вели

самая важная дѣла въ министерствѣ подъ личнымъ руководствомъ самого министра, вели ихъ нерѣдко помимо даже подлежащихъ департаментовъ. Подъ редакціей Даля составлялись ежегодные всеподданнѣйшиѳ отчеты по министерству внутреннихъ дѣлъ, все подданнѣйшиѳ доклады и вся записки, предназначаемыя для внесенія въ Государственный Совѣтъ и Комитетъ Министровъ.

Всѣ знали, что значить Даляр для министра, и потому неудивительно, что губернаторы и другія важныя лица, служившіе подъ начальствомъ Перовскаго, взыбирались по 90 ступенямъ въ квартиру В. И. Даля; но онъ всегда былъ для нихъ невидимкой. Зато всякий даже безъизвѣстный человѣкъ, если приносилъ Далю нѣсколько областныхъ словъ или нѣсколько пословицъ или поговорокъ, былъ принимаемъ съ самимъ теплымъ радушемъ въ его семействѣ. Но такому гостю здѣсь не давали заикнуться о службѣ или дѣлахъ. Даляр успѣвалъ удѣлить время и на веденіе записокъ обо всемъ, что происходило вокругъ него, обо всѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе какъ секретарь и какъ довѣренное лицо обоихъ Перовскихъ, въ Оренбургѣ и Петербургѣ.

Въ этихъ запискахъ были описаны дѣла по католицизму, сношенія Россіи съ Римскимъ дворомъ; дѣйствія графа Блудова въ Римѣ, возведеніе на армянскій іатріаршій престоль католикоса Нерсеса, еврейскія дѣла, дѣло эмиссара Канарскаго въ западныхъ губерніяхъ, дѣло о расхищенніи денегъ въ Комитетѣ о раненыхъ Политковскимъ и въ Петербургской управѣ благочинія Клевенскимъ, о контрабандистахъ въ Петербургѣ, объ остзейскихъ дѣлахъ при баронѣ Паленѣ, Головинѣ и кн. Суворовѣ, о пожарахъ и поджогахъ 1842 года, объ убийствахъ Кроткова и другихъ помѣщиковыхъ Симбирской губ. крестьянами, о лжеимператорахъ Константинахъ, появлявшихся въ восточной части европейской Россіи и проч. При описаніи хода дѣлъ въ высшихъ учрежденіяхъ указано было на всѣ закулисныя интриги и описаны вліянія разныхъ частныхъ лицъ обоего пола. Словомъ, эта была полная лѣтопись за цѣлыхъ 15 лѣтъ (1833—1848 г.). Тутъ же были описаны и дѣла литературныя, дѣйствія нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ, а также все, что дѣгалось въ Академія Художествъ и дирекціи Императорскихъ театровъ.

Въ 1848 г. гр. Л. А. Перовскій, находившійся тогда въ сильной борьбѣ съ графами Орловыми и Нессельроде, сказалъ однажды Далю: „До меня дошли слухи, которые могутъ быть истолкованы въ дурную сторону... Что у васъ за собранія по четвергамъ и какія записки вы пишете?“ Даляр съ полною откровенностью рассказалъ все графу Перовскому, которому записки были извѣстны; онъ всѣ ихъ читалъ и даже многое сообщалъ Далю для ихъ дополненія.

Министръ удовольствовался объясненiemъ, но сказалъ: „Надобно быть осторожнѣе“. Съ того дня четверги прекратились, а драгоценныя записки для исторіи погибли въ каминѣ. Съ окончанiemъ изданія „Словаря“ В. И. Даля, долговременная привычка къ постоянному труду, вдругъ прекратившемуся, вредно повліяла на его здоровье. Сознавая это, онъ началъ писать „Картины русскаго быта“, которыя явились въ „Русскомъ Вѣстнику“ 1867 и 1868 годовъ и „Бытописаніе“ для народнаго чтенія.

„Бытописаніе“—это Моисеево Пятикнижіе, изложенное примѣнительно къ понятіямъ русскаго простонародья. Даля имѣль также намѣреніе передать Евангеліе на языкѣ простонародья, но въ самыхъ строгихъ выраженіяхъ и при томъ буквально. Переведенная такимъ образомъ XIII глава Евангелія Матея находилась въ рукописи въ собраніи М. П. Погодина.

„Бытописаніе“ Даля прошло много мытарствъ по цензурамъ. Смущало многихъ то, что вмѣсто непонятной народу „скинії“, у него стояла палатка, шатерь; вмѣсто „брата Аарона“—Ааронова борода; вмѣсто „стана израильскаго“ (въ пустынѣ)—еврейскій тaborъ. Другіе недоумѣвали, возможно ли допустить лютеранину поучать православный народъ.

Третыи находили несогласie съ хронологіей LXX толковниковъ. Даля сдѣлалъ всѣ указанныя ему поправки, тѣмъ не менѣе затрудненія не исчезли. Въ Московской духовной цензурѣ рукопись Даля пролежала около двухъ лѣтъ, надъ нею все думали и возвратили автору безъ отказа и безъ приказа. Въ 1869 г. рукопись „Бытописанія“ была переправлена въ Петербургъ; здѣшняя духовная цензурѣ одобрила ее къ напечатанію, но „Бытописаніе“ осталось все-таки ненапечатаннымъ, хотя одно лицо бралось его издать даже съ картинами. Прѣдъ кончиною В. И. Даля свое „Бытописаніе“ передалъ въ рукописи своей свояченицѣ Н. Л. Соколовой.

Въ молодости своей В. И. Даль, по настояніямъ Пушкина, написалъ драматическое произведеніе „Ночь на распутіи или утро вѣчера мудренїе“. Содержаніе его фантастическое. Даля рассказывалъ, что Глинка не разъ ему говорилъ, что послѣ „Руслана и Людмилы“ онъ непремѣнно примется за „Ночь на распутіи“. Въ 1859 г. это произведеніе В. И. Даля, названное „оригинальнымъ водевилемъ“, было поставлено на сценѣ Александринскаго театра. Къ довершенію всего дирекція изъ „Ночи на распутыи“ сдѣлала нѣчто въ родѣ балаганного представления. Сцены русалокъ на озерѣ;—превращеніе Оборотня въ зайца, въ полетушку, въ сороку;—наводненіе покоевъ княжняго родича Весны водою текущею изъ волосъ похищенной русалки Порѣзвушки; Лѣшій, идущій въ лѣсу вровень съ деревь-

ями, а полемъ вровень съ травою; — круженіе утопленниковъ и утопленницъ въ воздухѣ надъ озеромъ;—Водяной съ русалками; затопляющіе лѣсъ и проч.—все это дирекція могла бы, если бы хотѣла, поставить великолѣпно, но она поставила въ такой степени мерзко, что глядя на сцену не вѣрилось, что это Императорскій театръ, а не ярмарочный балаганъ. Разумѣется такой водевиль не имѣлъ успѣха, а авторъ его, жившій въ Нижнемъ, даже не зналъ, что ставить его произведеніе. Фактъ этотъ лучше всего рисуетъ понятіе о степени добросовѣтности и уваженія къ отечественнымъ писателямъ заправилами русской сцены, которымъ являлся незабвенный П. С. Федоровъ. Узнавъ о постановкѣ своей „Ночи на распутні“, В. И. Даль хотѣлъ было протестовать,—но какъ и кому? При томъ же дѣло сдѣлано; нарядивъ пьесу въ балаганный костюмъ, дирекція театровъ успѣла уронить поэтическое произведеніе. Бѣдный В. И. Даль, такъ поступали съ нимъ при жизни, а послѣ его смерти зачѣмъ же церемониться было и съ его „Словаремъ“; но время возьметъ свое—и пьеса Даля и его „Словарь“ несомнѣнно воскреснутъ и оживутъ въ умѣлыхъ рукахъ.

И. Н. Божеряновъ.

